

Лин Сяо пригласил Чу Ифэна войти и, обменявшись с ним церемонными приветствиями, спросил:

— Столь поздний час... У императорского внука есть ко мне какое-то поручение?

За последний год Чу Ифэн заметно вытянулся, однако всё ещё оставался на полголовы ниже Лин Сяо, чей рост уже составлял без малого семь с половиной чи. Между его бровей по-прежнему сквозила ребяческая нерешительность; всякий раз, оказываясь рядом с Лин Сяо, он невольно робел. Поколебавшись мгновение, он заговорил:

— Я... я заметил, что ты весь день не показывался из комнаты. Вот и подумал: не стряслось ли чего? Если у тебя возникли какие-то трудности, ты всегда можешь поделиться со мной.

Лин Сяо мягко улыбнулся, хотя в его взгляде нарочито промелькнуло замешательство. Чу Ифэн тут же встрепенулся, выпрямился и, силясь скрыть охватившее его волнение, напустил на себя самый серьезный вид:

— Говори, не бойся.

Лин Сяо внутренне усмехнулся, но послушно разыграл смущение:

— Не стану утаивать: ещё с прошлого месяца я бьюсь над тем, как усовершенствовать устройство драконьего насоса. Но одно сочленение никак не поддаётся моему уму. К несчастью, в глубине дворцовых стен настоящие водяные колёса — редкость, оттого я и зашёл в тупик.

На лице Чу Ифэна отразилась неприкрытая радость, но он поспешил напустить на себя степенный вид:

— Дело поправимое. Я велю слугам расчистить место во Дворике Китайской Яблони, привезти туда несколько настоящих насосов и все необходимые инструменты. Хм... у Четвертого в Тереме Внимания Ветру пруда нет, а вот у меня в усадьбе есть небольшое озеро, там и установим колёса... Да, лучше перебирайся ко мне.

Он с замиранием сердца уставился на Лин Сяо, боясь услышать отказ, но тот лишь согласно склонил голову:

— Премного благодарен второму императорскому внуку.

Чу Ифэн порывисто поднялся, сияя от счастья, которое был не в силах скрыть. Весь этот год

Лин Сяо держался отстранённо, выказывая хоть какую-то теплоту лишь к Четвертому принцу Чу Ияню. С остальными же, более взрослыми императорскими внуками, он всегда был подчёркнуто почтителен, но неизменно далёк. Чу Ифэн шёл сюда, внутренне приготовившись к холодному вежливому отказу. Кто же знал, что Лин Сяо не просто благосклонно выслушает его, но и согласится перебраться к нему в усадьбу ради этого... как его... драконьего насоса! Радость переполняла сердце юноши. Заметив, что ночь окончательно вступила в свои права, он понял, что задерживаться дольше неприлично:

— Я... я обязательно тебе помогу, так что не тревожься. Уже поздно, ложись спать.

Глядя в бесхитростное, ещё совсем юное лицо Чу Ифэна, Лин Сяо ощутил мимолётный укол совести. Впрочем, портить момент он не стал — лишь вежливо откланялся и проводил гостя за порог.

На следующий день Чу Ифэн сдержал слово: его люди подготовили всё необходимое и пригласили Лин Сяо во Дворик Китайской Яблони для совместных трудов.

Четвертый императорский внук, Чу Иянь, прослышав об этом забавном предприятии, тоже примчался преисполненный любопытства. Однако, узрев лишь горы неотесанных досок и брусьев, он мгновенно заскучал. Смел пару тарелок со сладостями со стола Чу Ифэна, да и был таков.

Чу Ифэн неловко потер ладони и смущенно улыбнулся:

— Ну вот... всё привезли, как ты и просил. Погляди, сгодится ли? Если чего-то не хватает, я мигом велю раздобыть.

Лин Сяо осмотрел доставленные водяные колеса, брусья и плотницкий инвентарь — всё оказалось на удивление добротным и полным. Юноша изящно поклонился:

— Всё в лучшем виде. Благодарю за заботу, ваше высочество.

В ту пору во Дворике Китайской Яблони как раз пышно цвели хайтан. Плотные россыпи нежно-розовых лепестков, сорванные порывами ветра, устилали озерный берег пушистым ковром. Лин Сяо, застывший среди этого великолепия, сам казался картиной искусного мастера: полы его просторного ханьфу плавно колыхались на ветру, а неторопливый, исполненный достоинства жест источал благородное изящество.

Чу Ифэн на миг обомлел. На его щеках проступил румянец. Смутившись, он потер лицо руками и заговорил невпопад:

— Эм... в общем, инструменты здесь. Дай мне свои чертежи, я сам всё распилю. Тебе не стоит марать руки.

— Что вы, ваше высочество, я не смею, — поспешно возразил Лин Сяо. — Позвольте мне самому.

Но Чу Ифэн проявил упрямство и мягко, но решительно покачал головой:

— Кожа у тебя больно нежная, поранишься ещё с непривычки. А мне не привыкать, со мной ничего не делается.

«Ты-то у нас благородных кровей, уж точно нежнее меня будешь», — подумал про себя Лин Сяо, однако спорить с упрямцем не стал. Он принялся наносить разметку на древесину, попутно поясняя свои задумки, пока Чу Ифэн, скинув верхний халат и закатав рукава нижнего платья, со знанием дела взялся за пилу.

Лин Сяо быстро перенес чертежи на заготовки и принялся аккуратно вырезать зубья для будущих шестерен. Наблюдавший за этим Чу Ифэн восхищенно выдохнул:

— Какая тонкая работа. Ну и умелец же ты!

Лин Сяо лишь скромно улыбнулся в ответ, но про себя невольно подивился сноровке напарника. Он-то полагал, будто императорский внук затеял всё это лишь ради того, чтобы втереться к нему в доверие и пустить пыль в глаза. Однако Чу Ифэн трудился на совесть: его движения были точными, уверенными, а спилы выходили на удивление ровными и гладкими.

— Ваше высочество, откуда у вас подобные умения? — не удержался от вопроса Лин Сяо.

Чу Ифэн поднял голову, смахнул со лба выбившиеся пряди волос и бесхитростно рассмеялся:

— Да что тут мудреного? Я у себя в усадьбе и конюшню, и ясли для лошадей сам сколотил. Вышло простовато, зато надежно. К тому же, когда я стоял с войсками на границе, мне доводилось и доспехи латать, и стрелы ладить, и шатры ставить. Всё умею.

Лин Сяо замер, отложив резец, и пристально взгляделся в увлеченно работающего юношу. Этот императорский внук действительно ни во грош не ставил собственное высокое происхождение. Помолчав, Лин Сяо вновь принялся неторопливо обстругивать деталь и негромко заметил:

— Похоже, второй императорский внук всем сердцем предан ратному делу.

— Да! — стоило заговорить о наблевшем, как от смущения Чу Ифэна не осталось и следа, а его темные глаза загорелись ярким огнем. — Мечтаю со временем стать великим генералом. И не просто служить при штабе, как дядя, а держать рубежи! Вот бы через пару лет, когда я покину дворец, дедушка пожаловал мне удел в Северных землях... Там раздолье для обучения войск, да и сюнну будет неповадно соваться на наши границы...

— Ваше высочество! — резко оборвал его Лин Сяо, и в его голосе прозвучала неприкрытая суровость. — Никогда больше не смейте произносить подобного!

Чу Ифэн опешил. Он никак не ожидал от обычно мягкого и предупредительного Лин Сяо такой вспышки. Покорно кивнув, он пролепетал:

— Если... если тебе не любо это слушать, я смолкну.

Лин Сяо и сам укорил себя за несдержанность — подобная резкость шла вразрез с его привычной маской. Поспешно опустив взгляд, он тихо произнес:

— Простите мне мою дерзость, я забылся... Однако о вещах, которые вы упомянули сейчас, вашему высочеству впредь не следует распространяться перед посторонними.

Чу Ифэн легкомысленно отмахнулся от извинений и заговорщически улыбнулся:

— Так ведь я только тебе и доверился. Матушка в военных делах ничего не смыслит, а отец... Сам знаешь, он считает меня непроходимым тупицей. Всё свободное время он отдает старшему брату, расспрашивает его о науках, а на меня и не глядит.

Лин Сяо на мгновение прикрыл глаза, подавляя вздох, и негромко обронил:

— Ваше высочество излишне строги к себе.

Больше он тему не развивал, молча сосредоточившись на резьбе. Чу Ифэн тоже без лишних слов вернулся к своей пиле.

Вмешиваться в дразги императорского дома Лин Сяо не стал бы и под страхом смерти. О том, что Наследный принц благоволит исключительно старшему сыну, Чу Ицзиню, знал любой придворный лакей. Но до чего же этот простофиля Чу Ифэн слеп и глуп! Выпалить столь крамольные речи, да ещё и спать и видеть себя хозяином Северных земель... Какое безумие! Даже если бы правящий император расщедрился на такой удел, от него следовало бежать без оглядки. Что такое Северные земли? Это главный очаг опасности для империи Чу, рубеж, где рыщут свирепые орды сюнну. Испокон веков туда отправляли либо преемников престола для закалки духа, либо преданнейших полководцев, за чью верность государь мог поручиться собственной головой.

Там нет ни богатств, ни покоя — лишь вечный холод да кровь. Стоит оступиться, и завистники мигом состряпают обвинение в сговоре с варварами. Умные люди бежали оттуда как от чумы, а этот блаженный юнец сам рвется в петлю!

С характером старшего императорского внука, Чу Ицзиня, отправка Чу Ифэна на север означала бы для последнего скорую и неминуемую гибель в течение каких-нибудь трех лет.

Глядя на то, с каким усердием юноша пилит доску, Лин Сяо мысленно вздохнул. После его окрика этот глупыш вряд ли решится снова заговорить о заветной мечте.

Молодой маркиз горько усмехнулся собственной жалости. А сам-то он разве не втягивает этого простодушного парня в омут интриг ради собственной выгоды? Чем он лучше тех, кто вершит судьбы во дворце?

Впервые в жизни Лин Сяо укорил себя за расчетливость и жестокосердие. Ему позарез требовался громоотвод — тот, кто разделит с ним славу за изобретение и не позволит выскочке-маркизу привлечь к себе лишнее внимание двора. Чу Ифэн подвернулся как нельзя кстати. Именно поэтому Лин Сяо согласился мастерить драконий насос в его усадьбе. Позже он объявит, что они трудились сообща. Под сенью имени императорского внука этот успех не покажется столь вызывающим.

Задушив в зародыше неуместную жалость, Лин Сяо взял из рук Чу Ифэна аккуратно выпиленную доску.

Собрать два разных водяных колеса по чертежам оказалось делом непростым. Чтобы не терять времени, Лин Сяо практически переселился во Дворик Китайской Яблони, возвращаясь к себе лишь на ночь. Здесь же он и обедал. И со временем его цепкий взгляд подметил нечто странное.

Раньше, уступая капризам навязчивого Четвертого принца, Чу Ияня, Лин Сяо часто разделял с ним трапезу в Тереме Внимания Ветру. Теперь же, сравнив два стола, он не мог не заметить разительного контраста. Еда Чу Ифэна казалась вполне приличной, но соответствовала лишь строгому, базовому уставу для императорских потомков — ни единым блюдом больше.

По негласным правилам дворца, к основному довольствию княжеских детей ежедневно полагались сезонные яства и подношения с императорской кухни. Обычный обед царственного отпрыска должен был ломиться от угощений, но здесь стол выглядел сиротливо.

Если уж на кухне творилось подобное кумовство, то в остальном дела обстояли не лучше. Присмотревшись к убранству Дворика Китайской Яблони, Лин Сяо понял: всё, начиная от мебели и заканчивая повседневной утварью, разительно уступало роскоши, которой окружили Чу Ияня.

Наследный принц души не чаял в старшем сыне, Наследная принцесса баловала младшего, Четвертого — об этом шептался весь дворец. Третий императорский внук, Чу Ици, славился острым умом и подвешенным языком, всегда умея вовремя подольститься к деду-императору или родителям. И лишь простоватый, тихий Чу Ифэн оставался неприкаянным.

За год пребывания во дворце Лин Сяо досконально изучил этот расклад. Поскольку все братья были рождены законной супругой Наследного принца, у принцессы не возникало опасений за их будущее статусное равенство, и она позволяла себе открыто выделять любимчиков. Чу Ифэн, лишенный хитрости и уже вышедший из нежного детского возраста, попросту не умел

нравиться родителям.

Тонкие пальцы Лин Сяо невольно сжались в кулаки под покровом шелковых рукавов. Беда была в том, что сам Чу Ифэн никогда не обращал внимания на такие мелочи. Этот простодушный малый, верно, и не догадывался, что его обделяют. А челядь, почуяв безнаказанность, нагнала с каждым днем!

В полдень Лин Сяо решил проверить свои догадки. Он подозвал одного из слуг Дворика Китайской Яблони и велел отправиться в Палату дворцового хозяйства за личи:

— Ступай и скажи, что положенные по уставу две тарелки во дворец уже подали, но нам надобно ещё.

Служка замялся, на его лице отразилось явное замешательство. Лин Сяо всё понял без слов, но лишь мягко улыбнулся:

— Иди-иди. Не дадут — так тому и быть.

Евнух поплелся исполнять приказ и вскоре вернулся с пустыми руками и виноватым видом:

— Господин маркиз, тамошние евнухи сказывают, что первый привоз личи нынче совсем скудный. Дворнику второго высочества всё выдано по описи, сверх того дать никак невозможно.

Лин Сяо внимательно взгляделся в лицо слуги — судя по затравленному взгляду, в Палате дворцового хозяйства беднягу знатно отчихвостили. Не подав виду, маркиз достал увесистый кошель и вложил в руку евнуха, подбодрив ласковым словом:

— Пустяки. Ступай отдыхай.

Мальчишка поначалу отнекивался, стыдясь принимать награду за невыполненное поручение, но после мягкого настояния Лин Сяо с поклоном спрятал серебро в рукав.

Лин Сяо медленно побрел к озеру. Зачерпнув пригоршню опавших розовых лепестков, он задумчиво перебирал их пальцами. Стоял пятый месяц — время, когда в столицу доставляли самые первые, баснословно дорогие личи. Угощение и впрямь было редким. Настолько редким, что вчера Четвертый принц, Чу Иянь, утащил его к себе в Терем Внимания Ветру лакомиться этой диковинкой. Лин Сяо прекрасно помнил ту картину: на столе красовались четыре доверху наполненные вазы. Простодушный Чу Иянь, полагая, что у старшего брата этого добра тоже навалом, весело щебетал: «Угощайся! Как закончатся, я пошлю Сяо Сяцзы в Палату, пусть принесет еще, у них там завались!»

Пальцы Лин Сяо разжались, и лепестки хайтан бледными бабочками закружились над водой. На его губах заиграла холодная, презрительная усмешка.

Наследный принц, очевидно, мнил себя великим мудрецом. Неужто он всерьез полагал, что рождение всех сыновей от законной супруги убережет их от подковерной грызни и зависти? Да, Наследный принц и его жена никогда не притесняли Чу Ифэна открыто. Но дворцовая челядь — это свора псов, чующих силу и слабость за версту. Нынче все они из кожи вон лезут, стараясь угодить будущему наследнику, старшему принцу. И ради этого не брезгают обкрадывать второе высочество даже в такой малости, как тарелка сладких плодов!

А этот глупый Чу Ифэн, чистый душой и неприхотливый в быту, никогда ничего не требовал и ни о чем не просил. Он наверняка даже не замечал, как его обводят вокруг пальца.

«Какое мне дело? — мысленно осадил себя Лин Сяо. — Если ему самому все равно, с чего вдруг я исхожу желчью?»

Вскоре слуга пригласил Лин Сяо к вечерней трапезе. Маркиз занял место по правую руку от хозяина усадьбы. Он неторопливо взял палочки и окинул взглядом расставленные блюда. Опять ни единого кушанья сверх скудного казенного пайка.

На столе сиротливо ютились всего два мясных блюда. Одно из них — тушеная свиная грудинка с сушеными овощами. Лин Сяо терпеть не мог жирное мясо, и Чу Ифэну это было известно. Спешно придвинув к гостю второе блюдо — ароматную запеченную оленину, — юноша радушно улыбнулся:

— Попробуй вот это, оленина сегодня отменная. Ешь побольше!

Глядя на эту бесхитростную, трогательную заботу, Лин Сяо почувствовал, как в груди заныло. В памяти невольно всплыл далекий день, когда он, стиснув зубы от унижения, выпрашивал у прижимистого управляющего жалованье вперед, чтобы купить младшей сестренке Лин Чжи скромное украшение для волос. Глухая, яростная обида закипела в его сердце, отравляя разум.

Чу Ифэн — императорский внук! Каким бы ни было будущее, даже если на трон взойдет его старший брат, Чу Ифэн останется родным братом государя, благороднейшим князем великой династии Чу! Он может не ценить роскоши, может отказываться от почестей, но то, что положено ему по праву рождения, обязано беспрекословно доставляться к его порогу! Он — член правящего дома! С какой стати презренные рабы смеют так бесстыдно топтать его достоинство?!

Все разумные доводы, которыми Лин Сяо успокаивал себя у озера, в одно мгновение рассыпались в прах.

Резко зажмурившись, он шумно выдохнул, рванулся вверх и одним яростным движением опрокинул тяжелый восьмиугольный стол из грушевого дерева!